

Настало время ужина, а маленький пушистик, который всегда приходил в столовую вовремя, так и не появился. Даже дежурный по кухне набрался смелости, чтобы спросить о нём, а остальные то и дело поглядывали в сторону входа. Солдаты, сидевшие поодаль, не знали, что случилось, но, почувствовав неладное, тоже перестали есть. Игнорируя нависшее над столовой напряжение, Мо Цянь приказал всем продолжать трапезу и заниматься своими делами, но сам остался сидеть неподвижно. От него исходило такое холодное давление, что кусок буквально не лез в горло. Его это, впрочем, не заботило. Сигнала тревоги не было, а маячок показывал, что он находится в безопасном месте. Мо Цянь сначала подумал, что Гун-гун снова чем-то увлёкся. В последнее время малыш проявлял огромное любопытство ко всему, что видел на улице: мог подолгу рассматривать травинку или жука, кружась вокруг них и приносясь, точно школьник, пишущий дневник наблюдений. Мо Цянь был не против таких редких выходов, и даже радовался им. Хотя изначально он принял малыша из-за его покладистости, совет Фиби заставил его задуматься: чрезмерная скованность для маленького существа ни к чему. Его отношение к меховому комочку незаметно изменилось — пока Гун-гун не подвергал опасности себя или других, его маленькие странности казались Мо Цяню вполне допустимыми, подобно причудам Эдвена. Видя, как малыш становится всё более живым, он испытывал радость и даже странное чувство гордости. Но если на кону стояла опасность — это уже совсем другое дело.

Время ужина подходило к концу, а серо-белая фигурка всё ещё оставалась там, где застыла точка на локаторе. Мо Цянь молча поднялся. Ся Ци и другие предложили пойти вместе с ним, но он отказался. Подумав, что у него есть трекер и он самый быстрый, остальные не стали настаивать. Все решили, что малыш просто заигрался, а взрослому достаточно прийти и забрать его, заодно пожурив за опоздание. Благодаря своему поведению и повседневному общению, Сюн Мао постепенно стал частью этого коллектива. Люди, окружавшие Мо Цяня, так или иначе привыкли воспринимать его как своего собственного ребёнка, испытывая к нему не только симпатию, присущую отношению к редкому животному, но и искреннюю нежность и снисходительность, даже при том, что он не умел ни разговаривать, ни прямо ходить. Истинная причина заключалась в отношении самого Мо Цяня. Хотя солдаты называли Гун-гуна боевым питомцем, люди из близкого круга видели, что Мо Цянь вовсе не считает его животным, и тем более не готовит к сражениям. Интеллект, который проявлял малыш, не был свойственен обычным зверям. Но Мо Цянь молчал, и они не спрашивали. Это было негласным соглашением между сослуживцами и знаком уважения к их командиру. Как бы то ни было, с появлением Гун-гуна жизнь на планете Боге стала гораздо интереснее.

Рассудком Мо Цянь понимал, что с малышом всё в порядке, но за те короткие минуты, пока он добирался до места, его мозг выстроил десятки леденящих душу сценариев. Немного опустив голову, он прибавил скорости. Сейчас было светло, поэтому он не мог использовать свои истинные способности и мчался по дороге на пределе человеческих возможностей. Даже так, внимательный глаз мог заметить лишь мелькнувшую тень, а для обычного человека это был лишь порыв ветра.

Прибыв на место, Мо Цянь не увидел Гун-гуна. Сердце ухнуло вниз, пульс мгновенно подскочил. Это был участок зелёного насаждения рядом с западным полигоном. Назвать это место зелёным было бы лезть: здесь росли лишь редкие деревья и чахлая трава, как и везде на базе. После начала программы озеленения солдаты, осознав пользу растений, в свободное время стали облагораживать пустыри, и база начала преображаться. Деревья сажали без системы, где-то создавая подобие ландшафта, а где-то просто создавая хаос. Западный площадку для тренировок была огромной, и здесь, под ногами Мо Цяня, образовалась

небольшая рощица. Сюн Мао пришёл сюда, скорее всего, ради деревьев и пригорков, с которых было удобно наблюдать за тренировками солдат. Но сейчас на пригорке было пусто, а маленькая чёрная игрушечная машинка сиротливо стояла у дороги. Заставив себя успокоиться, Мо Цянь подошёл точно к точке на локаторе. Экран показывал, что его голубая точка совпала с красной точкой Гун-гуна. Он опустил голову — трекара на земле не было. Повернул голову — на стволе дерева увидел свежие следы от когтей. Быстро взглянул вверх — прямо перед глазами, среди желтеющих листьев, висел серо-белый пушистый комок.

Надо же, умеет лазать по деревьям.

Это дерево, вероятно, было местным растением с планеты Боге, высотой около шести метров и диаметром ствола в двадцать сантиметров. Несмотря на болезненный вид, оно проявило завидную стойкость. На фоне остальных деревьев оно выделялось своим величием — правда, этот эффект портила огромная копна шерсти на ветках. Гун-гун висел на высоте более трёх метров, прижавшись белым задом к стволу, подавшись корпусом вперёд на раскидистой ветке. Большую голову он положил на сложенные передние лапы, отчего мордочка слегка деформировалась, а две серые задние лапы беспомощно свисали вниз, делая его похожим на длинноногого зверя.

В такой нелепой позе малыш умудрился крепко заснуть так, что даже шум приближающегося Мо Цяня не разбудил его. Наблюдая за этим зрелищем, Мо Цянь на мгновение почувствовал, что именно так всё и должно быть, будто его вид веками жил подобным образом. Но тут же в памяти всплыла картинка, как малыш учится по видео, и последнее казалось более привычным. Жизнь подобна калейдоскопу: чем ближе ты подходишь, тем больше граней видишь, открывая много нового и в другом, и в себе.

Мо Цянь не привык теряться в пространных раздумьях. Малыш в безопасности, он здоров — и этого достаточно. Вечерний воздух был прохладным, но густая шерсть Гун-гуна надёжно защищала его. Не желая нарушать его сладкий сон, Мо Цянь прислонился спиной к дереву и впервые с этой точки посмотрел на опустевшую площадку для тренировок. Хотя на Боге были сезоны дождей и засухи, климат оставался мягким, что делало планету пригодной для жизни. Когда зелень окончательно поглотит летучие пески, этот забытый край станет по-настоящему прекрасным. И тогда наступит время его взлёта.

Сюн Мао не видел приятных снов. Он заснул в расстроенных чувствах и проснулся в таком же подавленном настроении. Перед глазами стояли сумерки, и сонный мозг не сразу понял, что происходит.

— Проснулся — спускайся, — раздался знакомый голос.

Хорошо, спущусь. Он ответил мысленно, но не издал ни звука. Мозг работал медленно, с заминками, и только спустя время осознал команду спуститься. Поворот за поворотом он начал осторожно убирать задние лапы, цепляясь одной за кору, затем другой, двигаясь медленно, точно ленивец.

Голос его не подгонял, терпеливо ожидая, но Сюн Мао уже знал, что хозяин рядом.

Затуманенный разум плохо контролировал тело. Одна лапа соскользнула, и от резкого рывка

вниз Сюн Мао вздрогнул, инстинктивно впиваясь когтями в древесину. В тот же миг огромные руки подхватили его снизу.

Сюн Мао наконец окончательно проснулся, обнял ствол, повернул голову и увидел расплывчатое лицо своего опекуна. Внезапная обида захлестнула его, и, не раздумывая, он проявил порыв, в котором инстинкт победил разум: он протянул пушистую лапу и обнял мужчину за шею.

Тот бережно снял его с дерева, позволил положить голову на своё плечо, и, придерживая его одной рукой, а другой захватив машинку, двинулся в сторону базы, погружаясь в ночную тьму.

Вернувшись в столовую, они обнаружили, что в зале горят лишь пара ламп, и вокруг ни души. Тарелка Мо Цяня стояла на прежнем месте, еда давно остыла. Таковы были правила армии: нельзя тратить пищу впустую, каждый доедает свою порцию, и командир не был исключением. Поставив Гун-гуна на пол, Мо Цянь сел и приготовился съесть холодный ужин. Только он собрался начать, как из кухни выскочил человек.

— Подождите минуту, я разогрею вам еду и принесу ужин для Гун-гуна, — почтительно сказал он.

— Я же говорил не беспокоиться, вам пора отдыхать, — в голосе Мо Цяня не было упрёка.

— Разве я могу оставить Гун-гуна голодным? Да и вам есть холодное нельзя, — настаивал повар.

Глядя на того, как человек уносит тарелки на кухню, а затем переводя взгляд на молчаливого Мо Цяня, Сюн Мао опустил голову. Он давно заметил, что, несмотря на высокое положение, Мо Цянь никогда без нужды не обременял рядовых солдат. Заботу о малыше он старался брать на себя, а все его поделки и вещицы мастерил его близкий друг Лань Е, а не хозяйственный отдел. Мужчина казался суровым, но строгость была нужна лишь для работы. Вне службы он был терпимым, а с обычными солдатами — даже мягким. Больше всего требований он предъявлял к самому себе. Сильный, волевой, порядочный — неудивительно, что солдаты, несмотря на его холодный вид, кроме страха и уважения, тянулись к нему.

Но, подумал Сюн Мао, сегодня он не только заставил его побеспокоиться, но и косвенно создал лишние хлопоты другим. Вспомнив события сегодняшнего дня, Сюн Мао догадался, что тот человек, скорее всего, один из поваров, что готовили ему еду. Был ли он «защитником»? Хотя он носил чёрную форму, кухонный персонал не входил в состав боевых групп, не проходил изматывающие тренировки днём и обучение ночью. Если он тоже был защитником, была ли его боль слабее? Но боль остаётся болью, вне зависимости от глубины.

Чувство вины внутри Сюн Мао начало расти. В неловком молчании повар вернулся с двумя подносами. Порция Мо Цяня была подогрета, а ужин Гун-гуна хотя и был подан второпях, выглядел аппетитно — фрукты были нарезаны как раз к столу. Они быстро закончили трапезу, чтобы повар мог наконец пойти отдыхать.

Когда они вернулись в комнату, никто не проронил ни слова. Перед тем как положить машинку на место, Мо Цянь указал на циферблат часов, и Сюн Мао снова понурил голову.

Резкие выговоры не были страшны — тишина и отстранённость пугали сильнее. Оступившийся человек невольно думает: может, он больше не хочет со мной общаться? Может, он во мне разочаровался?

Сюн Мао сейчас был именно таким провинившимся. Глядя на своего опекуна, сидящего на одеяле, он испытывал тревогу. Мужчина, даже находясь в такой естественной позе, держал спину прямой, слегка наклонив голову над портативным компьютером, не глядя на него, что создавало атмосферу холодности. Сюн Мао попробовал подойти, подставить уши, но когда рука не потянулась их почесать, он отвернулся и подставил белый зад, ожидая похлопывания — но и этого не последовало. В отчаянии пандовая душа выдохнула с досадой и легла на пол.

Услышав этот вздох, Мо Цянь повернул голову — малыш лежал спиной к нему, уткнувшись носом в сторону двери, явно о чём-то думая. На самом деле он не злился. Ну, вернее, сердился, но совсем немного: всё же малыш не пришёл вовремя и уснул на улице, и это стоило обсудить. Но сначала нужно было понять причину угнетённого состояния маленького существа.

Да, он чувствовал, что малыш не в духе. Пропуск любимого ужина можно было объяснить сном, но то, что он внезапно начал ластиться, а потом замолчал, казалось странным. Проанализировав последние дни, он не нашёл отклонений: днём тот был весел и ожидал вечерних занятий. Значит, причина крылась в событиях второй половины дня.

Получив через компьютер информацию о случившемся, Мо Цянь сложил всё в единую картину. Оказывается, малыш не только умеет лазать по деревьям, но и обладает невероятно чуткой душой.

Мужчина молча усмехнулся, взял пушистый комочек и повернул его к себе лицом, готовясь к ночному воспитательному уроку.

Всё было довольно просто.

Сюн Мао приехал на своей машинке к рощице у западного полигона. Здесь рос молодой лес, и место было уединённым — идеальный полигон для тренировки прямохождения. Ходить на четвереньках было быстрее, но не всегда удобно. Он старался не переусердствовать, двигаясь понемногу, делая остановки, опираясь на соседние деревья. Когда уставал — забирался на пригорок и наблюдал за тренировками солдат, словно за большим представлением.

В тот день, вскоре после начала занятий, вдалеке появились люди. Западный полигон был огромен, и это место пустовало. Сюн Мао поспешил спрятаться в густых зарослях: он не хотел, чтобы кто-то, кроме Мо Цяня, видел, как он тренируется. Сквозь листву он увидел Эдвена, которого в шутку прозвали принцессой, и решил посмотреть, что они задумали.

Эдвен бросил взгляд в сторону рощицы, но тут же отвернулся и приказал пятерым солдатам встать в ряд. Сюн Мао заметил, что те были измотаны: чёрная форма липла к телу от пота, словно они только что вышли из кровавого боя. Эдвен же выглядел так, будто даже волосок на его голове не дрогнул. Вспомнив жалобы Эдвена о том, какая это скучная работа — перевоспитывать строптивых новичков, Сюн Мао понял, что перед ним те самые нарушители спокойствия.

Эдвен действительно занимался воспитанием. Эти молодые люди прибыли на Боге менее двадцати дней назад, и далеко не все были готовы к армейской дисциплине. Те, кто не хотел служить и привык к жизни «золотых детей», выделялись на общем фоне. Эдвен сам не питал неприязни к таким ребятам. Большинство из них были горячими, не желавшими уступать парнями. Им просто не хватало понимания смысла службы, но при правильном подходе из них могли выйти отличные воины.

Эдвен не был терпелив. Его задачей было внушить страх. Сначала — изматывающая

тренировка до полного изнеможения, затем — разговор в тени. Когда один из них, на вид хрупкий, обычный офицер, продемонстрировал, как крошит огромные валуны голыми руками, приговаривая: Я могу отправить вас в полёт к птицам, а потом превратить в грязное пятно на природе, молодые люди, привыкшие чувствовать себя героями среди сверстников, похолодели от страха.

Принцесса вселенной оказался могучим обладателем силы. Именно поэтому Мо Цянь поручил это ему: для новичков сила была самым наглядным доказательством мощи. И Эдвен, скрывая огромную силу за кажущейся хрупкостью, провёл отличный урок.

После того как офицер ушёл, оставив их в неведении, солдаты продолжали стоять по струнке, пока его спина не скрылась из вида.

Сюн Мао был впечатлён. Как оказалось, все в окружении Мо Цяня были неординарными личностями, а сам опекун — самым могущественным.

Однако на этом эпизод не закончился. Между солдатами возник спор. Один из них, самый невысокий, выглядел болезненно, пошатываясь от слабости. Кто-то из четверых замахнулся на него, но, вспомнив урок Эдвена, лишь швырнул что-то в его сторону и ушёл.

Это была маленькая зелёная коробочка, упавшая рядом с Сюн Мао. Солдат потянулся к ней, но внезапно схватился за сердце, с трудом удерживаясь на ногах.

Не успев удивиться, ведь всё произошло так быстро, Сюн Мао схватил коробочку зубами и помчался к солдату. Тот принял лекарство, и к нему снова вернулись силы.

— Ты ведь тот самый «брат Эн», я слышал о тебе, — сказал солдат, не спеша уходить. Он сел у дерева и предложил Сюн Мао присесть. Когда тот замешкался, солдат снял с себя верхнюю часть формы, подстелил под него и снова позвал.

Люди везде любили разговаривать сами с собой, видя милых животных, подумал Сюн Мао. Сев на куртку, он решил побыть слушателем.

— Видел ведь тех мерзавцев? Хорошо, что ты оказался рядом, иначе мне бы не поздоровилось. Мо Цянь — особенный человек.

Сюн Мао насторожился. Было ясно, что разговор пойдёт о чём-то важном.

— Ты знаешь про защитников? Наверное, нет. Это самые несчастные люди в Галактике. Мы рождаемся с изъяном в генах, демоном, который нас пожирает. Мы вынуждены до конца дней принимать лекарства, иначе боль невыносима.

<http://bllate.org/book/19102/1876158>